

Глеб Иванович Успенский

Петькина карьера

Глеб Иванович Успенский
Петькина карьера
Серия «Кой про что», книга 6

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665935

Аннотация

«...В рассказе «Петькина карьера» Успенский, в противоположность народникам, дал выразительную картину нищей семьи безземельного крестьянина, разрушения натурального хозяйства деревни перед развивающейся силой «власти денег» и бегства крестьян из деревни в город за заработком...»

Глеб Иванович Успенский

Петькина карьера

В этот же приезд в деревню были у меня неожиданности и не только по случаю «урожая».

Вот, например, Петька – маленький нищий мальчонка – также весьма удивил меня неожиданной переменой в его жизни.

Смотрел я на Петьку и дивился – на нем новый картуз в сорок копеек, каляная ситцевая рубашка, а сапоги, хотя и отцовские, но посмотрите и полюбуйтесь, с какою необыкновенною развязностью отставляет он ногу в этом неуклюжем отцовском сапоге, полюбуйтесь, с какою ловкостью фабричного щелкает он семечки, как небрежно, фатовски выплевывает направо и налево скорлупу!

Право, Петька решительно неузнаваем с тех пор, как я видел его в последний раз, то есть года полтора тому назад.

Главное, что меня заинтересовало в Петьке, это не картуз и не каляная рубашка, а именно подъем духа, нравственное перерождение, которых я никак не мог объяснить себе! «Какая сила переродила забитого, загнанного, пришибленного Петьку и вдохнула в него душу живую?» – спрашивал я себя и, не находя ответа, обратился за разрешением вопроса к одному из крестьянских мальчиков, игравших в «рюхи» посреди лужайки, в то время когда я и Петька были посторон-

ними зрителями этой игры.

– Федя! – сказал я. – Какой наш Петька-то стал!

– А ты как думал? Он, Петька-то, теперь деньги зарабатывает!

– Каким образом?

– Спички делает! Он теперь, Петька-то, фабричный стал! Ишь форсит! Свои деньги у него! Ишь семечек-то сколько! То и дело по карманам шарит, точно миллионщик.

Петька покосился в нашу сторону, поглядел на нас, и поглядел так, как будто хотел оказать: «а мне наплевать», и, изогнувшись набок, запустил руку глубоко в карман, а затем, поплеывая шелуху, продолжал забавлять себя зрелищем игры своих сверстников.

«Наконец! – подумалось мне. – Наконец и бедный Петька выбрался на свою дорогу! Нашел путь к своей, Петькиной, карьере!»

Он теперь, очевидно, навеки фабричный, машинный человек! Да и чем бы он был, бедняга, если бы не пришел какой-то шведский человек и не подобрал этих Петек, этих лишних людей крестьянства?

Скучно, страшно, холодно в захудалом дворянском доме, в захудалой дворянской семье, но в захудалой крестьянской семье страшно и холодно до ужаса! Какая угнетающая душу и мысль тоска и пустота, а главное, бессмыслица веет от этого хлама, который там и сям валяется на разоренном дворе! Что такое означают эти старые оглобли, эти два сломанных

колеса, эта бочка, разошедшаяся и развалившаяся? Зачем этот пустой хлев, эти ворота на одной петле, эти пустые кадки, шайки с признаками корма и следами капусты? В доме нет *силы*, нет тепла, цели в труде, и весь этот хлам ужасает своею бессмыслицею, тяжеловесностью, топорностью, а главное – полнейшею невозможностью найти в своем сознании какую-нибудь связь бездушного хлама с удручающим испугом пред жизнью, пред белым днем, пред каждым живым человеком.

Петькин двор и Петькина семья были, на моей памяти, именно такими захудалыми. Не было в доме *силы на крестьянство*; были у Петьки и отец и мать, но не задалась их совместная жизнь. Не было в Петькином отце силы и страсти поднять «крестьянство». Его худое, долговязое, бессильное тело не было согрето необходимым для крестьянства запасом огня, горячей страстью преодолеть, совладать с огромнейшим делом; он был какой-то простывший, а главное, сам отлично знал, что в нем нет силы, тепла, и был поэтому злой, недовольный всегда; он знал, что жена его, женщина двухильная, огненная, неоцененная для кипучей работы, должна с ним только измаяться, исчахнуть, «избиться» без толку, разорваться на части, ничего не сделав путного... И он едва ли не со дня своей женитьбы «чуял» всем существом своим, что из совместной жизни их ничего «не выйдет». Да не только чуял, он знал это твердо и с сердцем глядел, как огневая сила его бабы тратится в пустых амбарах, гремит в

пустых горшках и бочках... «Не выйдет!» Этого не забывал он ни на минуту и, голодный, «пахнувший» водкой, был постоянно злобен и тогда, когда его баба рожала, и тогда, когда она хоронила, и тогда, когда радовалась теленку и когда металась как полоумная в минуты полнейшей нищеты. Он не бил бабы даже в пьяном виде, но постоянно носил с собою холодное отчаяние, холодное презрение ко всевозможным усилиям своей бабы оживить холодный и пустой дом. Страшно было смотреть на эту рослую, черноволосую, когда-то красивую женщину; она, очевидно, действительно потеряла возможность понимать свое существование; глаза ее широко раскрыты, волосы растрепаны, грудь ее расстегнута, и в таком виде она мечется и по дому и по деревне, выпрашивая пучок луку и таская на обеих руках по ребенку! Всегда она босиком, и даже не в ситцевой юбке «по-нонишнему», а в матерниной домотканной паневе, точно явилась с того света; и эту-то огневую бабу непрестанно «ополоумливал», так сказать, ее долговязый, холодный муж, замерзший внутренно для всякой надежды жить по-крестьянски. А если нет в крестьянском доме силы и огня для того, чтобы был в ходу весь механизм крестьянской жизни, – что же там остается? Обездушено и обессмыслено все до последнего котенка... Все не имеет смысла, и жизнь ужасна непроглядным ужасом бессмыслицы...

Петькин отец плотничал, но всегда случалось как-то так, что работа ему выпадала в самое неподходящее время. Вся-

кую «настоящую» работу обыкновенно успевают переделать за лето плотники пришлые, люди, знающие свое дело. Петькину отцу всегда доставалось то, что не успели переделать плотники заправские, то есть мелочи и пустяки: вставить в окно косяк, исправить крышу, починить погреб. И всегда эта недоделанная работа доделывалась в самое неблагоприятное время, осенью, в холод, в мороз, в дождь и ветер. Сердитый осенний ветер и сердитый Петькин отец, оба, как на грех, всегда встречались вместе на ничтожном осеннем заработке; мороз точно нарочно сковывает и без того бессильные руки Петькина отца, и Петькин отец со злобой кое-как тяпает топором по дереву, ругая это дерево самыми отборными словами, а в ответ на эти ругательства ветер вырывает из-под бессильного топора и самое бревно. «Чорт! – слышится на такой работе, – дьявол тебя возьми». «Ишь чорт!» – говорит мужик, нанявший Петькина отца, глядя на его нескладную работу. «Ишь лысый чорт! – ворчит Петькин отец, косясь на мужика-заказчика, – за полтинник тебе столярную работу подавай!» И сделавши работу скверно, обруганный хозяином и обругавший хозяина в свою очередь, Петькин отец с бранью пьет в кабаке косушку, с бранью идет домой и в холодной избе, сам весь холодный и голодный, сердито дышит холодной сивухой, ругаясь на всех и вся и лежа на холодной печи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.